

Зима 1952 года, город Сыцзючэн.

Ван Ханьлинь съезился на холодном кане, проснувшись от пронизывающего северного ветра, задувавшего в щели окна. Ноздри забивал едкий запах серы от угольных брикетов, а из главной комнаты доносились гневные окрики Хэ Дацина, отчитывающего Шачжу. Голос Хэ Дацина звучал всё громче, и было совершенно непонятно, что именно так вывело его из себя.

Когда зрение прояснилось, Ван Ханьлинь увидел на облупившейся стене остатки прошлогоднего лозунга, расклеенного комитетом микрорайона: Сопrotивляться Америке, помогать Корее.

Неужели я всё ещё сплю? Что это такое, опять воевать с американскими чертями? Но ведь борьба с ними — это первый раз за сотню лет, когда наш народ по-настоящему встал с колен!

Нет, это не сон. Всё слишком реально. Неужели я переродился? Ван Ханьлинь внезапно ущипнул себя за бедро и почувствовал резкую, невыносимую боль.

Ах! Это правда, я жив!

Ха-ха-ха! Как же хорошо! Для того, кто стоял лицом к лицу со смертью, сама жизнь — это великое счастье!

Он раскрыл ладонь, и родимое пятно в форме полумесяца слегка нагрелось. Стоило ему сосредоточиться, как в голове развернулась объёмная панорама всего Сыхэюань. Он отчетливо видел каждого обитателя двора.

В переднем дворе Янь Бугуй был целиком поглощен смазкой велосипедной цепи, что-то при этом бормоча себе под нос.

В среднем дворе госпожа Цзя шила подошву для обуви. Это была уже не первая пара, которую она строчила, не покладая рук, — удивительная женщина, которая только и знала, что сидеть здесь, целыми днями бранить всех вокруг и ворчать.

В заднем дворе Сюй Удэ озирался по сторонам, украдкой пряча в погреб полмешка кукурузной муки. Старый Сюй был человеком расчетливым — в это время только умные люди делали запасы.

Шачжу выскочил из дома, а Хэ Дацин гнался за ним с лопатой в руках, выкрикивая:

— Шачжу, стой! Смотри у меня, я тебя до смерти пришибу!

Юйшуй бежала следом и заливисто смеялась.

Это настоящий взгляд бога, как же здорово!

Ван Ханьлинь погладил истрепанный словарь, лежавший у изголовья, и вспомнил, как три дня назад, 5 декабря 2024 года, скончался от переутомления на работе. Рабочий скот может умереть от усталости, но уж точно не от обжорства. На лице застыло выражение досады: в той жизни трудолюбие приносило лишь болезни и страдания.

Нефритовая подвеска, переродившаяся вместе с ним, превратилась в Пространство площадью в десять му. На черной земле не было ничего — пустота, от которой по коже бежали мурашки. Посредине виднелась впадина, без воды и признаков жизни, совершенно пустынная.

Но, к счастью, это Пространство даровало ему ощущение собственной божественности.

Ха-ха-ха! И так сойдет. По крайней мере, у меня есть тайное место, где я могу хранить свои секреты. Это прекрасно! Как заядлый читатель, я знаю, что это обязательный атрибут перерождения. Мои фантазии воплотились в жизнь!

Вдруг за дверью послышались шаги. Ван Ханьлинь быстро спрятал в Пространство стоявшую под столом полупустую миску с кукурузной кашей.

Деревянная дверь со скрипом отворилась, и вошел И Чжунхай с миской лекарства:

— Малыш Ван, это сахарная вода с грушей, которую комитет микрорайона выделил для тебя...

— Кхе-кхе... Благодарю вас, дядя И, что заботитесь о таком младшем, как я.

Ван Ханьлинь вовремя разразился притворным кашлем, наблюдая, как И Чжунхай нахмурился и поспешно отступил на три шага назад.

— Малыш Ван, береги себя. Если будут трудности, обращай к дяде И, я всё устрою.

На лице И Чжунхая промелькнуло фальшивое сочувствие, но он держался подальше, явно боясь заразиться. В эту эпоху болезни были настоящим проклятием.

— Малыш Ван, дядя И пошел. У твоего брата Дунсюя в семье сейчас тяжело, надо проводить.

Дверь захлопнулась, и он исчез, словно порыв ветра.

Как только старик ушел, Ван Ханьлинь мгновенно вернулся в нормальное состояние.

— Старый хрыч, всё-то ты интриги плетешь. Не дожدهшься, я точно не буду обеспечивать твою старость, — пробормотал Ван Ханьлинь себе под нос.

<http://bllate.org/book/18479/1773171>